

29 ноября

Привет, дорогой Иверий!

Ты советовал записывать первые впечатления, самые сильные и точные. Я стараюсь, вот только не пойму, когда заканчиваются первые впечатления и начинаются вторые, третьи... десятые. Во всяком случае, часть впечатлений пересылаю тебе: быть может, из них когда-нибудь получится очерк.

* * *

ПЕРВЫЕ ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Многочасовой перелет в направлении, обратном вращению Земли, уничтожил сутки. Вылетали из Москвы — было темно, летели во тьме и приземлились в Певеке тоже затемно. Прячущийся день лишь мелькнул пурпурно-серебряным отражением во льдах океана, глядя на которые, думаешь: «Не приведи Господь!» Когда-то Гоголь писал о наших пространствах: три года скачи, ни до какого государства не доедешь... Вот и здесь — летишь, летишь, а внизу всё та же безжизненная бесконечность и хоть бы один огонек. Сентиментального Николая Васильевича, выросшего в нежной Украине, раздражали унылые и однообразные российские пейзажи. Что бы он почувствовал, взглянув в иллюминатор?

Известно, что Чукотка находится далеко. Но как далеко — представить невозможно, потому что мы, живущие в России, не

понимаем, что такое наши расстояния. То ли все относительно близко, то ли все относительно далеко... Я искал в московских магазинах карту Чукотки, но взамен продавцы предлагали карты Камчатки, Якутии и даже Дальнего Востока, полагая, что все это в одном и том же месте. Для жителя центральных районов все, что находится за Уралом, — далекое и малодоступное. Что же говорить о Чукотке, если от Москвы до Иркутска такое же расстояние, как от Иркутска до Уэлена, и Байкал является лишь географическим центром России!

Чукотка и Камчатка действительно граничат, а Магадан и Петропавловск-Камчатский — ближайšie к Анадырю крупные центры. Но между этими городами и Анадырем расстояние такое же, как между Москвой и Тюменью! Еще недавно Чукотка входила в состав Магаданской области, но от Магадана до залива Святого Лаврентия, где я намереваюсь побывать, расстояние такое же, как между Москвой и... полуостровом Ямал! Вместе с тем для жителей Чукотки Магадан и Петропавловск-Камчатский — ближние города, о которых в Анадыре, Билибино или Певеке говорят так, как в Москве о Подмосковье. Кстати, Москва от мыса Семена Дежнёва находится дальше, чем столица Мексики.

Но масштабы наших расстояний не определяются лишь километрами и часовыми поясами. Существует множество причин, которые удаляют Чукотку и Крайний Север гораздо дальше, чем они на самом деле находятся, оставляя эти земли не просто труднодоступными и оторванными от остальной России, но еще и разделенными между собой. Проще попасть из Нью-Йорка в Москву и даже из Анадыря в Нью-Йорк, чем перебраться из Билибино в кажущиеся соседними Уэлен или Провидения.

Недавно в прессе сообщили, что где-то в этих широтах нашли хорошо сохранившегося мамонта. Его двухметровые бивни торчали из-под земли много тысяч лет, и никто их не замечал. Но не потому, что люди у нас *ленивы и нелюбопытны*. Просто за все это время никто не проходил мимо. Лишь французская экспедиция обнаружила бивни и теперь пытается извлечь из мерзлоты всего

мамонта, чтобы клонировать или даже оживить. Да! Непросто будет интегрироваться в мировую экономику стране, в которой двадцать тысяч лет из-под земли торчат бивни мамонта и остаются незамеченными.

...Певек, куда мы приземлились, находится на побережье Восточно-Сибирского моря. Было темно, поэтому город я не видел, а кроме того, прямо с одного самолета мы пересели на другой, грузовой. В нем не было окон, сидений, туалета и стюардесс, зато все пассажиры друг друга хорошо знали, словно это сельский автобус. Получасовой пересадки хватило, чтобы я оценил Певек. Температура минус двадцать, но с таким ветром, что я вмиг промерз. Московскую одежду пришлось сбрасывать и прямо в самолете переодеваться в настоящую зимнюю. Спустя час приземлились в Кепервееме. От аэропорта до самого Билибино еще сорок километров. Это чуть меньше часа пути на «уазике». Температура ровно на двадцать градусов ниже, чем в Певеке, но ветра не было вовсе.

Мои чукотские благодетели разместили меня в обычной двухкомнатной квартире, в которой сейчас никто не живет, но где все приспособлено для проживания. Здесь тепло, тихо, есть горячая вода, ванная, туалет... Если бы мне сообщили, что я не на Чукотке, не нашлось бы оснований сомневаться.

На кухне плита «Лысьва», известная у нас не меньше, чем находящийся здесь же холодильник «Бирюса»; в спальне типовые шкаф и двухспальная кровать; в большой комнате — знакомая раскладывающаяся софа и отечественный телевизор; в прихожей — трюмо с тумбочкой, внутри которой лишь несколько шариковых ручек, давно негодных к употреблению, и устаревшие телефонные справочники; остальное — стулья, стол, линолеум, обои... — такое же, какое имеется на всем нашем необъятном пространстве, начиная от Калининграда. Те же кастрюли, сковорода, чайник, вилки, ложки, ножи, половник, солонка, сахарница, пепельница, дверные ручки, выключатели и розетки,

равно как и радио, точно такое же, какое я недавно видел в гостинице на Валдае, и всякая прочая мелочь, известная каждому, кто только знает наш советский быт. В ванной все то же и такое же, что можно увидеть в ваннных комнатах Пскова и Екатеринбурга, Пятигорска и Смоленска, Кемерово и Перми. Имеется даже обязательный кусочек пемзы, которым наши граждане приводят в порядок пятки, причем он такого же размера, той же формы и того же цвета, что и повсюду, и если вас с намыленной головой и зажмуренными глазами незаметно перенесут за тысячи километров, куда-нибудь в Орел или Иваново, то, пошарив по краю ванны, вы обязательно отыщете такой же кусок пемзы и даже не почувствуете, что находитесь на противоположном конце Земли. Зеркало и краны, мыльница и само мыло, старые зубные щетки и тюбики из-под пасты, тазик под ванной, табуретка, выцветшая полиэтиленовая занавеска и все прочее — точно такое же, как и повсюду, поэтому привыкать и приспосабливаться не приходится. А к этому надо добавить те же звуки, издаваемые канализацией, к ним — те же запахи, присовокупить позывные «Маяка» и задушевные песни, раздающиеся из радио, и ко всему — телеэкранные физиономии, которые пребывают в тех же позах, произносят те же слова, с той же интонацией, даже не подозревая, что, пока они болтают, телевизор успел перелететь на другой конец света и уже оттуда ворчит на них...

Я не обратил бы внимания на все эти перлы унификации, если бы обнаружил их в Брянске, Нижнем Тагиле или даже в Сургуте. Но здесь! Пролететь девять часов и увидеть все то же самое! Это не может не потрясти. Действительно, великая страна!

Впрочем, одно различие я все же заметил. В поведении тараканов. У нас, если зажжешь свет, они тотчас разбегаются, здесь же некоторое время пребывают в оцепенении, словно отмороженные. Отчего так? Почему не бегут?

Еще недавно на месте Билибино, кроме волков голодных, ничего не было. Теперь же, среди мерзлоты и холода, ночью я

набираю в ванну горячую воду и окунаюсь... Разве не чудо? Ведь кто-то затащил сюда эти ложки, вилки, табуретки, холодильники, кровати, кирпичи, трубы, котлы, насосы, атомные реакторы, затем собрал, соорудил конструкцию, заставил ее работать, и вершина этой работы — возможность забраться в ванну с горячей водой.

До самого утра я не мог уснуть и, стоя у окна, ждал рассвета, чтобы наконец увидеть саму Чукотку, а не то, что сюда завезли. Кроме того, было интересно — во сколько зажгутся окна?

В понедельник 29 ноября в 6 часов 00 минут из трехсот двадцати окон, которые я мог обозревать, светились лишь пятнадцать. Спустя час картина не изменилась, зато появились билибинцы, выгуливающие собак. На сорокапятиградусном морозе это не особое удовольствие. Через двадцать минут стали зажигаться окна, но ожидаемого массового включения не последовало. Еще через полчаса билибинцы — взрослые и дети — пошли на работу и в школу. Несмотря на мороз, никто не торопился. К девяти часам окна вновь стали темными. Понедельник — день тяжелый.

Город Билибино появился на карте в 1958 году, хотя до того уже несколько лет существовал поселок геологоразведчиков. Юрий Александрович Билибин — легендарный геолог — в городе, названном в его честь, никогда не был. Он вычислил на Колыме золото, и по стопам его расчетов направились колоритные бородатые люди. Вскоре они действительно обнаружили несметные золотые залежи.

Билибино расположен в континентальной тундре на реке Большой Кепервеем, среди живописных гор, и со стороны может напомнить высокогорный курорт. Впрочем, слова «горы» на Чукотке не существует, и, если кто-то его произнесет, глядя на заснеженные вершины, его тотчас поправят: «Это не горы, а сопки». И будут поправлять до тех пор, пока слово «горы» не будет напрочь забыто. Горы — на Кавказе, в Гималаях, в Альпах,

а на Чукотке только сопки. Билибинцы также не любят, когда склоняют название их города, как это принято в русском языке. Один литератор склонял, и его книгу уже только за это невзлюбили. Я даже не знаю, как быть и чему следовать: пожеланиям будущих читателей или правилам? Конечно, в книге я буду придерживаться правил, но сейчас, в набросках и письмах, оставлю так, как говорят на Чукотке.

Билибинский район занимает территорию в 174 652 квадратных километра. Нас иногда тешат сравнения: это вместе взятые Австрия и Португалия. Самый восточный поселок — Омолон. Он расположен на границе с Магаданской областью, на реке Омолон (с юкагирского — «Хорошая река»). От сочетаний «омолонская тундра», «омолонская чукчанка» веет недоступностью, но еще больше — холодом. Здесь как-то была зафиксирована температура минус шестьдесят семь! На западе район граничит с Магаданской областью и Якутией, с обязательным ударением на «и». Иначе здесь не произносят. Якутия — холодный континент, отделяющий Чукотку от Красноярского края. С севера Билибинский район омывается Восточно-Сибирским морем, причем весьма условно, потому что омываются им чукотские берега только тогда, когда море не сковано льдом.

Теперь о географических названиях. Они здесь самые причудливые и если имеют коренное происхождение, то не всякий их выговорит. Вот некоторые реки: Пыркинайвеем, Майнгычаутапан, Кайчаутапан, Гуйвиниэг, Ныгчеквеем, Куйвырэннэт... Это еще попроще. Бывают названия такие, что язык сломаешь: западнее Билибино есть река Лельвергыргын (что означает «Росистая река»), а если плыть по Малому Анюю, то обязательно встретится речка Ыттыльывеем. Что касается буквы "ы", то она употребляется не реже прочих букв, а в названиях горных перевалов даже чаще: Ыттытылян, Ымынкаяушкин, Ымыскываам, Ыльвэнейский, Ыльчуней...

Выводя эти названия, я сочувствую корректорам будущей книги, которым предстоит их сверять. Никогда они этого не сделают, потому что подробной карты Чукотки не найдут, а если найдут, то едва ли отыщут эти реки, ручейки, горы и перевалы. Никакого времени не хватит, не говоря о терпении. У меня терпения предостаточно, и, внимательно просмотрев Топонимический словарь, могу сообщить, что не Билибинскому району принадлежит первенство по труднопроизносимым и длинным названиям. В Чаунском районе есть реки Умкырыннэткырыткынвээм, что значит «Исток кустарниковой реки», и Гыргочанрыннатватапваам, в переводе — «Верхний распадок моховой реки». Но и это еще не всё. Рекордсменом чукотской топонимики можно считать речку из Анадырского района — Майегытколенныскываамкай, то есть «Река, протекающая по холмистой местности, где растет ягода голубица».

Длина, впрочем, еще не значит, что слово самое труднопроизносимое. Есть названия короткие, но такие, что и не знаешь, как с ними быть: в Чаунском районе есть гора Ы'твьынэй («Лодка-гора»). Понадобится отыскать — как спросить? Пропадешь да так эту гору и не отыщешь... Словом, с названиями на Чукотке сплошной сюр. Кстати, и речка Сюр тоже протекает где-то в этих краях. С якутского переводится как «Страшная» или «Ужасная»...

Я упомянул названия коренные, а есть русские, лирические.

Неподалеку от Билибино в Большой Кепервеем впадает речка Сойка, а чуть западнее — Тополевка, будто это не Крайний Север, а Тверская губерния. Кроме того, на Чукотке множество названий сугубо советских. Вот реки и ручьи: Бивачный, Тонкий, Торный, Каркасный, Вредный, Спокойный, Нартовый, Лагерный. Вот названия гор и сопков: Мрачная, Острая, Плоская, Овальная, Серая, Баранья. А вот озера: Вольное, Пасмурное, Воронье. У некоторых ручьев названия и вовсе пролеткультовские: Каменистый, Щебеночный, Смежный, Базисный, Суходрев,

Трубный. Есть такие названия, что не догадаешься, чем вызваны они. Например, маленький ручеек почему-то назван Прорвой, а его собрат — Вражым. Есть ручьи Двоякий и Двойной, а есть едва заметный ручеечек, каким-то шутником названный Необъятным. На границе с Якутией безобидно петляет ручей под названием Вампир. В Магаданской области на полуострове Тайгонос выделяется мыс с явно несеверным названием — Акчори. Ученые долго ломали голову, пока кому-то не пришла идея приставить к слову зеркальце. Оказалось — Ирочка! Один билибинец рассказал, что в районе есть ручей Кидэ. В свое время работал здесь геолог Эдик, всем замечательный, но мало пил. Поэтому в его честь назвали не реку, а лишь ручей.

Вернусь поближе к Билибино.

Город окружают сопки Поэнурген, Раздольная, Острая, Верблюд и Орбита, на которой находится телеретранслятор. Но самая близкая названа сопкой Любви (Sopka of Love). В недавние времена, когда все жили в бараках и не было возможности уединиться, на эту сопку поднимались парочки и занимались любовью. Разумеется, в летнее время. Мне рассказал об этом один уважаемый билибинец, неоднократно поднимавшийся на сопку Любви и знающий там всякий кустик...

Если есть сопки-горы, значит, есть и долины. И одна из них, по которой ведет дорога в аэропорт и село Кепервеем, напоминает легендарную Изреельскую долину. Только там жарко, а здесь холодно. Настолько, что всех этих озер, рек, ручьев и ручейков попросту нет. Они вымерзли до дна, и даже русла их не отыскать. Все занесено снегом. Зимой карта Чукотки представляет сплошной белый лист, а все перечисленные названия — условны.

Тем не менее жизнь не замирает. Здесь водятся зайцы, волки, медведи, огромные лоси (их зовут сохатыми), горностаи, соболь, россомаха, белка простая и белка летающая (летяга), и, конечно, здесь есть олени, в том числе дикие. Законы выживания суровые. Все друг за другом охотятся и нещадно поедают. Охотятся и люди. Не ради удовольствия, но чтобы прокормиться.

Пернатый мир тоже разнообразный и хищный. Филины, совы полярные и неясити бородатые постоянно высматривают — от кого бы урвать кусок плоти. Но есть и птицы мирные. Если по забывчивости спросишь у чукчи, кто это сидит на дереве и долбит по стволу, тебе ответят: «Это же уттырэвымрэвыт!». Впрочем, зимой дятлы улетают. Но остаются глухари (уттырэвымрэв) и куропатки (рывымрэв). А кроме них имеется пернатая мелочь с милыми названиями вроде чечетки, сероголовой гаички, бурой оляпки или кедровки. Все они не только летают, но щебечут, воркуют и поют. Но я пока видел только здоровенных ворон, которых не в состоянии удержать хилые ветки лиственниц. Заметил также двух зайцев и от неожиданности за обоими погнался.

Летом здесь распускается самая разнообразная флора. Из трав — копеечник темный, смородина печальная, грушанка красная, горец живородящий, пушица влагалищная (*Eriophorum Vaginatum*), растут одуванчики, полынь Тилезуса, Сон-трава, Иван-чай, астра альпийская и еще много чего. Из деревьев — сосна стланиковая, или кедровый стланик, лиственница даурская, береза плосколистная, ольховник кустарный, береза тощая, ива чукчей, тополь душистый. Из ягод — брусника, морошка, шикша, голубика, водяника. Много грибов: подосиновики, маслята, сыроежки. Меня здесь упрекают, что я приехал зимой...

Сейчас, конечно, никаких кустов, грибов и цветов нет. Только стланик на сопках, вид у которого довольно жалкий. Деревца невысокие, и многие покошены, оттого что корни растут по поверхности, тщетно надеясь согреться. Но и эта зимняя скудность — благодать, потому что радует глаз. Все растет экономно, не спеша. Десятилетние карликовые березки имеют высоту всего несколько сантиметров и несут от двух до десяти листьев. К тридцати годам высота этих березок достигнет 20-26 сантиметров. За

то доживают они до 120–140 лет.

Вот бы оказаться в этих краях несколько тысяч лет назад! Не дятлы с росомахами, а несметные стада мамонтов и носорогов

бродили здесь; не белки и куропатки, а пещерные львы властвовали в районе; не хилые американские бизончики обитали в долинах, а наши, российские, с трехэтажный дом, по несколько тонн весом!

В подвале местного краеведческого музея хранится разобранный мамонт. Площадей не хватает, да и потолки низкие, а то работницы музейные мигом бы его собрали. Пока же экспонируются лишь ноги доисторического животного, его челюсти, часть позвонков, берцовая кость и кусок кожи — морщинистой, серой и волосистой. Эта кожа сантиметров пять толщиной. Дальше у мамонта шло сало, метра полтора-два, затем столько же мяса и лишь потом кости. Поверх кожи росла еще шерсть, да такая густая, что не пробьешься. И все же народ первобытный этих мамонтов выслеживал, нечеловеческими криками и истошными воплями загонял в заранее выкопанные ямы, закидывал камнями, палками и всем, что только попадалось под руку, затем пробирался через волосистой покров к коже, вгрызался в нее, проникал сквозь сало к мясу, в мгновение ока выедал начисто, оставляя нам, потомкам, лишь отполированные скелеты. Теперь нас упрекают, что этим скелетам мы никак не подберем место в музеях.

Мне хотел один билибинец подарить двухметровый бивень. У него в сарае их несколько. Но я отказался: куда же я с бивнем? Тогда он, взяв слово, что я не выболтаю, отвел меня в сторону от Билибино и показал место, где неглубоко покоится целехонький мамонт среднего возраста. Теперь я сам являюсь носителем тайны и, конечно же, о местонахождении животного не проболтаюсь.

Постройка дома, поселка, тем более города в этих местах — чудо, героизм, подвиг. Эпитетов не жалко. К тому же всякий из них будет преуменьшением и ничего не объяснит. Жители привыкли, многие сами строили Билибино и не склонны преувеличивать свои заслуги. Более того, стремятся отсюда убраться. Мы восхищаемся Петром Великим, сумевшим заложить город, но что в сравнении с берегами Невы берега Колымы,

Малого Анюя и Большого Кепервеема? Конечно, дворцов здесь нет. Все жилые дома — с виду обыкновенные пятиэтажки. На деле они более прочные, стоят на сваях и потому выше обычных. Почти все подъезды трехдверные, чтобы сберегалось тепло, а сами двери хорошо подогнаны, обиты войлоком и плотно захлопываются с помощью пружин. Подъезда с распахнутой дверью не встретишь. Рамы оконные — двойные и качественные, поэтому в квартирах жарко. В пятидесятиградусный мороз форточки можно не закрывать. К батареям не притронешься.

Архитектура города максимально утилизирована. Кажется, все подчинено сбережению тепла и удобству жителей, которых еще в середине восьмидесятых проживало двадцать тысяч, а в районе — тридцать. Теперь в районе осталось двенадцать тысяч жителей, а в Билибино лишь шесть. (В Австрии и Португалии на такой же территории ютятся около двадцати миллионов граждан!) Оставшиеся билибинцы улучшили жилищные условия и переехали в квартиры, расположенные в центре, оставив пустующими целые дома. Сейчас стоимость двухкомнатной квартиры — от трех до шести тысяч рублей. Столько же стоят хорошие ботинки! Причем однокомнатная может стоить дороже трехкомнатной. Этот парадокс объясняется невероятно высокой платой за жилье, при которой выгоднее иметь однокомнатную квартиру. За нее платят примерно триста рублей в месяц, за трехкомнатную — восемьсот. Дороже всего обходится тепло.

Возле жилых домов нестройными рядами стоят контейнеры — огромные железные ящики, в которых перевозится имущество северян. Контейнеры — непременный атрибут полярного города. Они уродуют вид, но не больше, чем железные гаражи. Вместе с тем стоящий у дома контейнер — не просто железный ящик, но еще и овеществленная вера в возможность покинуть Крайний Север. Присутствие контейнера создает владельцу ощущение временности пребывания, а значит, и временности бедственного положения. Занесенный снегом и видимый из окна железный ящик — частичка желаемого и воображаемого материка. Так,

столичный путник, вынужденно поселившийся в провинциальной гостинице, не выпускает из виду свой чемодан, который даже не распаковывает. Он надеется убраться из этой гостиницы на рассвете, первым же проходящим поездом.

Билибино состоит из двух жилых массивов, но есть еще старая, покинутая жителями, часть города, состоящая из ветхих одноэтажных домов и их развалин. Центр устроен так, чтобы до всякого здания было близко. Две школы, два банка, бассейн, Дом культуры, узел связи, кафе, библиотека, школа — находятся внутри своеобразной карусели, в центр которой стягивается жизнь билибинцев. В отличие от наших городов, не имеющих форм и лишенных замкнутости, Билибино имеет то и другое. Замкнутость обеспечивают окружающие сопки. Они выполняют роль городских стен и защищают от ветров. Мне кажется, билибинцы чувствуют себя неуютно во всяком другом месте. Они невольно ищут знакомый горизонт над крышами.

Гнетущее впечатление оставляют пустующие дома. Их постепенно сносят, но все же они остаются, и один находится в самом центре. Кажется, в его оставленных, пустующих комнатах с выбитыми стеклами, в темных подъездах без дверей поселились злые духи. Они свирепствуют, устраивают оргии, злорадствуют и, потирая костлявые руки, поют бесовские песни, в которых грозятся захватить соседние дома... Я всегда обхожу эти мертвые здания. Их надо скорее убрать, как убирают покойника из мира живых.

Есть в Билибино и своя главная площадь, на которой проходили демонстрации и устраивались торжественные мероприятия. Здесь находятся детская школа искусств, занимающая здание райкома партии, кинотеатр и административное здание горно-обогатительного комбината. Был на площади и памятник Ленину, но его взорвал один не совсем нормальный билибинец...

Говорят, он штудировал полное собрание сочинений Ленина (55 томов!), но увлекся, «выпал» из исторического

контекста и перенес классовую борьбу на улицы полярного города. По мере прочтения ленинских трудов в нем укреплялся революционный дух. Он стал поджигать коммерческие киоски, устраивал разные гадости местным предпринимателям и вскоре пошел на «экссы», взорвав машину директора пищекомбината. На очереди были другие руководители... Но, дойдя до последних работ Ильича, в которых были сформулированы идеи нэпа, отчаянный билибинец разочаровался, вошел в левый уклон и расправился с вождем. Взорванные ленинские останки разлетелись со страшной силой. Пострадали: школа, в которой не осталось ни одного стекла; здание горно-обогатительного комбината, покрывшееся трещинами и теперь требующее ремонта, а также школа искусств. Осколки монумента разобрали работники ГОКа. Теперь в их кабинетах находятся у кого — рука, у кого — кусок головы, в приемной стоит на видном месте ленинский нос, в бухгалтерии — губы и брови, так что, если постараться, памятник можно собрать. Пока же на освободившемся постаменте установили стелу, посвященную сорокалетней годовщине города. Ортодоксального марксиста арестовали, судили, но он уже свое отсидел и сейчас на свободе. По последним данным, он соорудил на озере Тытыль небольшой шалаш и занимается, очевидно в конспиративных целях, ловлей рыбы. Изредка к нему приезжают соратники. Что у взрывателя на уме — не известно, и, возможно, поэтому начальство ГОКа не спешит с ремонтом своей конторы.

Есть в Билибино еще одна достопримечательность, едва ли оцененная его жителями. Без сомнения, этот город на одном из первых мест по количеству магазинов на душу населения. Буквально в каждом доме, даже в каждом подъезде по магазину, а то и по два. Отчего их столько, когда покупательская способность невелика? Я спрашивал продавцов, но они не в силах объяснить и лишь твердят: «Если магазины есть — значит, нужны».

Быть может, такое большое количество магазинчиков обусловлено тем, что из-за сильных и продолжительных морозов уличные киоски — не лучшее место для торговли. Гораздо

удобнее занимать освободившиеся квартиры, расположенные на первых этажах. Это выгодно и властям, которые получают плату за аренду и не оставляют бесхозной жилплощадь. В магазинчиках товары почти одни и те же, покупают их неактивно, и продавцы, чтобы не помереть от скуки, обзавелись телевизорами. Все эти магазинчики — частные. Государственных лишь два, и они большие.

В эти дни билибинцам выдали долгожданную зарплату. Как говорят, в связи с выборами в Думу, чтобы народ «правильно» проголосовал. Можно подумать, без зарплаты народ наш проголосовал бы как-то иначе. Что касается цен, то таких я еще не встречал. Разве только в Норвегии. Но что мы знаем о норвежской зарплате?

Чтобы вникнуть в быт, нравы и прочее, связанное с жизнью людей, должно пройти время. Зато природу видишь сразу и восхищаешься ею тотчас.

Билибино находится за полярным кругом, и зимой здесь на несколько недель воцаряется полярная ночь. Жители не видят солнца. Зато видят неповторимые... точнее, неповторяющиеся картины, потому что пейзажи, рождаемые скрытым за горизонтом солнцем, ежеминутно меняются, одаривая билибинцев невиданной красотой. Самое впечатляющее полярной ночью — полярный день, продолжительность которого лишь два-три часа. Его правильнее называть сумерками. И больше всего восхищает в этих сумерках — синий цвет. Он не просто доминирует над прочими цветами, он единственный и отражается в воздухе, в небе, на сопках, на деревьях, на зданиях и даже на прохожих, которые кажутся бледными. Ближе к полудню с южной стороны на кромке горизонта появляется узкая светлая полоса, которая, постепенно расширяясь, розовеет, затем краснеет, набирает силу и контрастность, все настойчивее напоминая о прячущемся за горизонтом солнце. Рассвет набухает, словно бутон алой розы, но,

вопреки ожиданиям, не распускается. Если же в это время обратиться к северу, то увидишь, как безжизненные сопки, только что сливавшиеся с синим небом, оживают, окрашиваясь в бледно-розовые тона.

...Всякому действительному художнику мучителен повтор. Настоящий талант предпочтёт поражение на пути к новому, неизведанному и до сих пор непостижимому. Природа — самый совершенный художник и самый великий талант — не знает повтора. Казалось бы, вечный ритм приливов и отливов, восхода и захода солнца, сияние и блеск неподвижных горных вершин, извержение вулканов и грохот водопадов, милое и размеренное колыхание золотистых колосьев и раскачивание вековых деревьев — все это повторяется миллионы лет с пугающим однообразием и постоянством. Но приглядишься и увидишь, что повтора нет, а каждый миг — и новый, и другой. Просто природа добавляет к своему творчеству то самое «чуть-чуть», которое отличает высшее из всех искусств. В этом она лучший мастер и величайший из учителей. Так вот, на Чукотке природа к этому «чуть-чуть» — прибавляет еще немного. Здесь, на краю земли, вдали от посторонних взглядов, она позволяет себе больше обычного. Так ведет себя перед зеркалом, оставшись одна, молоденькая кокетка: примеряет разнообразные наряды, надевает одну за другой шляпки, принимает самые неожиданные позы и сворачивает губки трубочкой без боязни быть кем-то замеченной. Подлови именно сейчас эту застенчивую кокетку, поймай в зеркале ее безмятежное, даже ветреное отражение — и поймешь, отчего самые смелые и отчаянные бросаются в эти безлюдные заснеженные пустыни и нередко пропадают там.

С каждым днем напоминание солнца о себе и яркость горизонта будут ослабевать, пока полярная ночь не достигнет пика. Непоявляющееся солнце искушает, манит, невольно побуждает к тому, чтобы проникнуть за горизонт, и укрепляет мечты о благодатном, теплом и уютном материке. В такие

сумерки, когда синий свет разлит по долинам континентальной Чукотки и лишь сопки своей белизной очерчивают пространство, — всякий огонек чудо, каждый лучик — надежда. Желтые огни полярного города на фоне голубого океана — живописное зрелище. Им можно было бы долго любоваться, если бы не пятидесятиградусный мороз. Нельзя назвать пейзажи континентальной Чукотки суровыми и сравнить их, например, с уральскими, где могучие леса и обнаженные ветхие скалы властвуют над тобой и над всем вокруг. Здесь, кажется, властвуешь ты, обволакиваемый нежным голубым сиянием. Я встречал подобное односветие лишь на Псковщине, в Пушкиногорье, в знаменитых михайловских рощах. Там господствовал зеленый свет, но пространство было ограничено кронами могучих деревьев. Здесь же, на Крайнем Севере, пространство бесконечно.

Летом, коротким чукотским летом, здесь красота иная. Она также очаровывает и впечатляет. Встрепенувшись, природа поражает многоцветием. Трава, мох, кустарники, цветы, деревья, камни, земля, вода и небо — словно соперничают между собой за право громче высказаться и напомнить о себе. Кажется, все существует для того, чтобы удивить, восхитить, даже ошарашить. Природа уже не застенчивая кокетка. Она больше напоминает провинциальную торговку, выставившую товар перед заезжим столичным франтом. Только природа не продает, а по-детски дарит себя каждому, явившемуся на ее просторы, без обмана и претензий на взаимность.

Но зимой природе Севера не до того. С синим светом ничто не соперничает. Он в отсутствии солнца остался один. Можешь любоваться, можешь не замечать, до тебя дела нет. Сейчас, на этом боку, планета спит, и не рискуй тревожить ее почем зря.

...В медленно ползущем автомобиле мы поднимаемся на сопку. По мере подъема открываются все более фантастические картины. С высоты видно, как долина, в которой находится город,

залита густым голубым туманом. Это холодный воздух спустился с окрестных гор. Лишь с южной стороны полыхает красно-розовая полоса несостоявшегося восхода. Розовый свет не касается Билибино, а проходит над городом. Если бы неведомые силы перенесли сюда Руанский собор, то готическое строение выступало бы из голубого тумана и стопятидесятиметровым шпилем соединялось с красно-розовым горизонтом.

Какие звуки услышал бы творец музыки, если бы находился здесь! Что за стих родился бы у поэта и какая песня полилась бы из его уст! Какие виды и оттенки смог бы запечатлеть художник, если бы краем глаза увидел то, что вижу сейчас я!

Кто-то утверждал, будто на Чукотке нет полутонов, но есть четкое, контрастное разделение цветов. В пример приводили Рокуэлла Кента. Я даже приобрел его альбом, но... Какой там! Возможно, летом в этих местах контрасты встречаются. Но зимой здесь все тонкое, хрупкое, едва уловимое и, повторюсь, нежное. Тут нужен Рембрандт! Только он, заливая полотна темно-желтым, почти коричневым светом, мог изображать застывшее время. Здесь же с помощью лишь синей гаммы следовало бы изобразить бесконечность. Но так, чтобы из этого не получился безжизненный космос.

«Прекрасное зрелище создает солнце, когда оно на закате. Оно освещает все высокие здания городов и замков, а также высокие деревья в открытом поле и окрашивает их в свой цвет; все же остальное, вниз от них, остается малорельефным, так как, освещенное лишь воздухом, оно мало отличается в своих тенях от своих светов и поэтому не слишком отделяется; те же

предметы, которые среди этого наиболее
возвышаются, задеваются солнечными
лучами и, как сказано, окрашиваются в их
цвет. Поэтому ты должен взять ту краску,
которой ты делаешь солнце, и примешивать
ее к каждой светлой краске, которой ты
освещаешь эти тела.»

Леонардо да Винчи, «Пейзажи»